

Интернет-пресс-конференция сопредседателя движения "Союз правых сил" Егора Гайдара: «Россия: 12 лет экономических реформ, перспективы развития страны».

3 декабря 2003.

Вступительное слово Ю. Ровенского.

<http://www.rbc.ru/pressconf/2003/12/03/>

Добрый день, уважаемые господа, РИА "РосБизнесКонсалтинг" начинает интернет-пресс-конференцию сопредседателя движения "Союз правых сил" Егора Тимуровича Гайдара. Мы встречаемся накануне парламентских выборов, которые действительно определяют вектор развития нашей страны на ближайшие годы. Сегодня хотелось бы не только заглядывать вперед, но и оглянуться назад, хотелось бы подвести некоторые итоги тем 12-летним реформам и, конечно же, посмотреть, как они будут оказывать свое влияние на перспективы развития нашей страны в будущем. Я думаю, что с таким экспертом, как Егор Тимурович, мы сможем разобраться с самыми сложными вопросами. Именно он стоял у истоков российской рыночной экономики: благодаря либерализации цен в 1992г., российский рынок был наполнен товарами, был введен конвертируемый рубль, началась приватизация. Именно тогда был дан старт реформам. Сегодня Егор Тимурович активно участвует в политической жизни, является депутатом Госдумы, сопредседателем СПС. При этом он не оставляет научной деятельности, возглавляет Институт экономики переходного периода. Совсем недавно, на днях, Егор Тимурович представил очередной сборник статей, написанных сотрудниками института. Предметом исследования новой книги стал экономический рост в стране после финансового кризиса 1998г. Егор Тимурович, чем же заканчивается период переходной экономики в России? Что же ждет страну в ближайшее время? Стоит ли рассчитывать на скорые позитивные изменения в экономике? Каких действий Вы в первую очередь ждете от нового парламента? С чем Ваша партия идет на выборы? Этот вопрос сегодня тоже очень интересен и интересует многих наших читателей. Я думаю, что это только лишь та малость вопросов, которые я озвучил.

Вступительное слово Е. Гайдара.

Дорогие друзья, действительно всякий завершённый процесс изучать гораздо проще, чем процесс продолжающийся. Скажем, современный экономический рост, который начался в XIX веке, - процесс незавершённый. Поэтому его изучение крайне

сложно, как и прогнозирование того, что будет происходить, скажем, в следующем десятилетии в странах - лидерах экономического роста - одна из самых тяжелых задач. Переходный период прошли 28 стран, которые сформированы на базе бывших социалистических государств - от Югославии до Советского Союза. В них проводилась разная экономическая политика, были разные правительства. Была разная риторика, но целый ряд характерных черт сегодня очевиден как общее явление, связанное с крахом высокоразвитого социализма и последующим формированием новых рыночных институтов. Первый из них - это постсоциалистическая рецессия. Во всех высокоиндустриальных странах, где рухнул социализм, где реформы начались на ранних стадиях развития, начало постсоциалистического перехода - это период падения правительств. Он длится от трех до шести лет и связан с двумя важнейшими факторами. Первый из них - это дезорганизация хозяйственных связей, потому что социалистическая система была целостной и могла существовать в условиях существования жесткой авторитарной власти. И когда и если такая власть у вас исчезает, это не значит, что автоматически сразу у вас возникает функционирующая система рыночных институтов, связей и так далее. Второе. Эта рецессия связана с тем, что значительная часть того, что производилось при социализме и формально включалось в ВВП, никогда в жизни вы в условиях рынка никому не продадите. Комбайн такого качества, как они производились в позднесоветские времена, колбасу такого качества, объем мелиоративных работ, вы никогда в условиях рынка не продадите. Значит, приходится перераспределять эти ресурсы на производство того, что можно продать в условиях рынка, а этот процесс всегда растянут во времени. В этой связи постсоциалистический переход - это всегда сначала процесс рецессии, а затем период восстановительного роста, когда у вас возникают новые институты, налаживаются хозяйственные связи, и перераспределение ресурсов на производство того, что можно продать на рынке, позволяет перейти от падения к росту производства. Период рецессии, это сегодня вполне очевидно, в первую очередь зависит от протяженности социалистического периода. Чем протяженнее был социалистический период, чем больше были структурные деформации, которые были привлечены социализмом, тем более протяженным, как правило, является период постсоциалистической рецессии. Поэтому, скажем, в Восточной Европе или в Балтии рецессия занимала три-четыре года, а на части постсоветского пространства - 5-7 лет. Гипотеза была сформулирована еще в начале 90-х годов, а сегодня является общеизвестным фактом, заслуживающим обсуждения. Характерной чертой постсоциалистического перехода является инфляционный кризис. Это период высокой инфляции, в том числе связанной с преодолением дефицита, с ликвидацией того, что

называется денежным навесом, с избыточной денежной массой, которая в условиях социализма проявляется не в высокой инфляции, а в дефиците товаров, с переходом его в открытую инфляцию и с постепенной остановкой стабилизационных процессов. Также опыт показал, что торможение инфляционных процессов идет в основном на основе использованных в мире, хорошо известных инструментов, и инфляция (и после социализма, как, собственно, и везде) - это в первую очередь денежный феномен, хотя есть и неденежные факторы, на нее влияющие. Статистика 2001-2002гг. довольно ясно показывает исчерпание основных резервов собственно восстановительного роста. То есть роста, который идет на базе использования ранее созданных мощностей, ранее подготовленной рабочей силы. И важнейший вопрос экономической политики сегодня - это в какой степени мы окажемся способными заместить восстановительный рост, который был характерен для 1999-2002гг., ростом на базе создания новых мощностей, инвестиций. Это было важнейшей задачей политики правительства последних лет. Статистика 2003г. показывает, что здесь начались позитивные подвижки. То есть именно с 2003г., когда мы видим резкий рост инвестиций, быстрый рост производства машиностроения, начало поворота потока капитала, можно говорить о создании базы для инвестиционного роста. В какой степени эта база окажется устойчивой, зависит в огромной степени от той политики, которая будет проводиться, в том числе и после парламентских и президентских выборов. Потому что инвестиционный рост в условиях рынка - это рост на базе частных капитальных вложений. Частные капиталовложения - это вопрос гарантий частной собственности. То, в какой степени она будет гарантирована, - это важнейший фактор, определяющий долгосрочные перспективы развития России. Для нас обеспечение гарантий частной собственности, создание институтов, позволяющих обеспечивать инвестиционный рост - важнейший приоритет следующего политического цикла. Дорогие друзья, далее я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Л. Черепанова (Нижний Новгород): Если повернуть время вспять, например в 1990-1992гг., что бы Вы хотели изменить? И немножко с другим уклоном вопрос на эту тему от г-на С. Яковлева из Рязани: Егор Тимурович, не считаете ли Вы необходимым открыто признать те ошибки, которые были допущены Вами и Вашей командой в ходе реформы в начале 90-х годов?

Е. Гайдар: Начну с ответа на первый вопрос. Это зависит от того, в каком качестве я должен на него отвечать. Если бы я был императором всероссийским, то, без всякого сомнения, я изменил бы все, что только можно было бы изменить в 90-92гг., и не допустил бы того, что Советский Союз обанкротился, и не допустил бы того, что были

нулевые валютные резервы, и не допустил бы того, что у нас произошло крушение старой системы хозяйственных связей без каких бы то ни было системных усилий по формированию новых. Но я не был императором всероссийским, я был назначен в правительство в ноябре 2001г. заместителем премьер-министра, министром экономики и финансов. К этому времени у меня уже был нулевой валютный резерв, к этому времени Советский Союз уже успел обанкротиться. Первая бумага, которую я получил, была бумага из Внешэкономбанка о банкротстве Советского Союза и о том, что резервы были нулевые. Вторая бумага, которую я получил, - о том, что у нас зерна есть до февраля, вы знаете, урожай почему-то в феврале в России не собирают. Дальше, я посмотрел бумаги, я хорошо себе представлял состояние с продовольственным снабжением и понял, что оно катастрофично. Дальше в этой ситуации реальной, когда у вас нет функционирующего государства, когда у вас 16 банков печатают общую валюту, когда старая система полностью развалилась, а новой еще нет, вам надо выстраивать экономическую политику, и первое, о чем вы думаете, это не о том, как здорово, замечательно, без рисков провести реформы, а о том, как дожить до следующего урожая, как исключить голод, да и гражданскую войну. Эти задачи мы считали важнейшими в своей работе, возможность их решения была неочевидна. Почему, собственно, столь короткой была очередь людей, готовых взять тогда на себя ответственность за экономическую ситуацию в стране? И мы их решили. Решили в очень сложных условиях, при огромном сопротивлении, но решили. И мне за это ни в малой мере не стыдно. Еще раз подчеркну: была бы свобода маневра больше, конечно, массу всего можно было бы сделать по-другому, но она была такова, какова она была.

А. Сердюков (Екатеринбург): Какие самые важные законы в сфере экономики, на Ваш взгляд, предстоит принять новой Думе и какие отрасли промышленности необходимо реформировать в первую очередь?

Е. Гайдар: По законам, на мой взгляд, то, что было сделано полезного в этой Думе, - это ряд разумных изменений в налоговое законодательство. Это не единственное, есть много другого. Но важнейшая вещь - это то, что мы добились некоторых полезных сдвигов в налоговом законодательстве. И эти сдвиги позволили нам одновременно снизить налоговое бремя и получить дополнительные доходы. Вот так бывает при нормально проведенных налоговых реформах. Так что здесь есть результаты. А вот что мы совершенно не сумели сделать в этой Думе, так это то, что мы не смогли никак продвинуться в решении вопроса об эффективном расходовании государственных средств. То есть, условно говоря, налоги мы сейчас уже собираем более-менее прилично, а

дальше налогоплательщик резонно спрашивает: "А какие, собственно, государственные услуги приличного качества мы за эти налоги получаем?" И, в общем, на этот вопрос государству ответить нечего. В этой связи, все, что связано с государственными расходами - это само законодательство, бюджетный процесс, распределение расходных полномочий по органам власти, системы финансирования здравоохранения, образования, науки, военных расходов - все нуждается в очень серьезных изменениях. Когда мы представляли наш двухтомник, я представлял в том числе и том программных разработок института. Он охватывает многие области, но стержень там - это реформа всей системы расходования бюджетных средств.

Е. Санькова (Москва): Егор Тимурович, как Вы считаете, что должно быть приоритетным для России - снижение инфляции или рост экономики?

Е. Гайдар: Нет, бывают ситуации, когда задача снижения инфляции является альтернативной по отношению к задаче обеспечения экономического роста. Если мы, скажем, поставили задачу снизить инфляцию в следующем году до 2% в год, то решение такой задачи потребовало бы проведения такой экономической политики, которая, по крайней мере в краткосрочной перспективе, сдерживала бы экономический рост. Но если мы ставим задачу постепенного снижения инфляции (как я уже сказал, процента по 2 в год), то эта задача ни в коей мере не противоречит задачам экономического роста.

С. Щербаков (Красноярск): Насколько необходим России профицитный бюджет? Мы все время бились за профицитный, а оказывается, это не столь хорошо, деньги остаются и лежат мертвым грузом.

Е. Гайдар: Это очень хорошо, это очень хорошо. Дело в том, что российская экономика давно-давно, с 60-х годов, в очень высокой степени зависима от конъюнктуры рынка энергоносителей, то есть конъюнктуры рынка нефти и конъюнктуры рынка газа. Советский Союз "висел" на "нефтяной игле" очень в большой степени с 70-х годов, и когда в 80-х произошло крушение цены на нефть с тех уровней, которые были характерны для позднережневской эпохи и которые примерно в 3 раза выше, чем в период путинского благосостояния, на этом, собственно, Советский Союз и развалился, там был запущен механизм краха экономического, он не потому развалился, там был набор фундаментальных проблем, но механизм, тактика были связаны с крушением цен на нефть. Сейчас наше финансовое благополучие во многом связано с тем, что цены на нефть далеко не такие, как в брежневскую эпоху, но они повыше, чем средние в 90-е годы. И в

этой ситуации профицит бюджета как способ создания резервов и снижения бремени внешнего долга - это абсолютно разумная, ответственная политика.

Е. Крокусов (Санкт-Петербург): Считаете ли Вы, что российская экономика сильно бюрократизирована и нуждается в дебюрократизации? Как этого можно достичь?

Е. Гайдар: Первое. Бюрократизация российской экономики - одна из важнейших ее проблем. При этом надо учитывать, что Россия имеет дурную бюрократическую традицию. Бывают бюрократии прилично организованные, хорошо мотивированные и мало коррумпированные, совсем не коррумпированных не бывает, а Россия не с советского периода, в течение многих веков с силу специфики своего исторического развития имела тенденцию дурной бюрократии, бюрократии, которая берет взятки, вымогает. Это фактор, который надо учитывать. Это не значит, что мы должны с этим смириться. Примерно понятно, что надо делать, чтобы ограничивать бюрократизацию экономик. Ограничивать избыточное регулирование. Каждый закон и каждый нормативный акт проверять на тест коррупцигенности, ограничивать права контрольных органов, сокращать число госчиновников, увеличивать их заработную плату, переводить натуральные привилегии в форму оплаты труда. Это более или менее понятно. Понятно и правительству, которое пыталось и пытается что-то делать в этом направлении, хотя мне хотелось бы, чтобы оно пыталось энергичнее. Я просто знаю, с каким трудом это идет, насколько сильным является сопротивление тех ведомств, полномочия которых пытаются сократить, какой здесь уровень саботажа. Тем не менее, это понятно. Но есть еще одна вещь, которую надо понимать. Что бы мы здесь ни делали, наша бюрократия в длинной исторической перспективе останется слабой. Значит, выстраивая свою экономическую политику, мы должны это помнить и не должны думать, что откуда-то у нас возникнет замечательная, идеальная, некоррумпированная бюрократия. Отсюда масса следствий во многих областях - в бюджетной, налоговой политике и так далее.

Е. Ситюкова (Москва): Реально ли выполнить задачу президента РФ по удвоению ВВП до 2010г. или это популистский лозунг?

Е. Гайдар: Я уже говорил, что я не против даже утроения ВВП. Это невозможно прогнозировать. Инвестиционный рост в России начался реально в 2003г., за нами месяцы, а не годы. У нас нет длинных временных рядов инвестиционного роста, позволяющих не с потолка, а всерьез обсуждать вопрос, какие темпы роста в условиях

российских реалий, российской перспективной динамики рабочей силы, при российской инвестиционной привлекательности будут для России долгосрочно устойчивы. При обсуждении долгосрочных вопросов роста то, как он там колеблется в течение месяцев, не имеет значения. Важно, что там будет происходить на протяжении многих лет. Вот база для ответа на вопрос, каким является органично устойчивый рост для России 2003-2010г.г., ни один ответственный человек вам не скажет. То, что власть должна хотеть высоких темпов роста, - это очевидно. То, что хорошо бы иметь высокие темпы роста, - это тоже очевидно. Что здесь нельзя делать? Нельзя закладывать свои желания в ответственные финансовые документы. То есть стремиться к тому, чтобы было удвоение, - это пожалуйста. Закладывать это в бюджетный процесс 2004г. - это не нужно. Но, к счастью, правительство этого и не делает.

Н. Колодочкина (Плавск, Тульская обл.): Прокомментируйте, пожалуйста, рекомендацию Всемирного банка о снижении инфляции до однозначной цифры. Насколько это сейчас необходимо России?

Е. Гайдар: Дальнейшее снижение инфляции до однозначных цифр, без всякого сомнения, возможно и желательно для страны. Мне кажется, что то, что делали ЦБ и Минфин в последние годы, выстраивая стратегию постепенного снижения инфляции примерно на 2% в год, отражает российские макроэкономические реалии сегодняшнего времени. Ставить более амбициозные задачи я бы не стал, во всяком случае в условиях очень высоких цен на нефть, а постепенное снижение инфляции до величин, составляющих 5-6%, в течение следующих трех лет - разумная и решаемая задача.

М. Байдуков (Московская обл.): Егор Тимурович, некоторые эксперты полагают, что принятые недавно законы о валютном регулировании и валютном контроле, новый Таможенный кодекс и ряд других приведут к тому, что государство потеряет контроль над финансовыми потоками, и утечка капиталов за рубеж значительно усилится. Есть такая опасность?

Е. Гайдар: Такой опасности нет, дело в том, что экономика у нас по жизни - не по закону, а по жизни - давно либерализована до уровня, существенно большего, чем тот, который прописан сегодня в этих законах. То, как капиталы выводятся и вводятся в страну, хорошо известно всем, кто занимается практической экономикой или исследует ее. То, что мы попытались сделать в этих законах, - это привести законодательство в некоторое соответствие с жизнью, добиться того, чтобы люди имели легальные

инструменты для проведения операций, которые интегрируют Россию в мировой рынок капитала, одновременно выстроив некий набор ограничителей, который является реалистичным. Вот, скажем, если у вас есть сложно устроенная операция внутренней экономики с потоком капиталов, вы можете пытаться с ней бороться, но это крайне малопродуктивно. А вот если у вас есть краткосрочный приток иностранного капитала, а он не пойдет к вам по нелегальным схемам, то тогда его нужно регулировать, и основные ограничения, которые предусмотрены в законах, - это ограничения, позволяющие регулировать в первую очередь динамику притока краткосрочного капитала. По-моему, это правильный приоритет.

Самойленко (Санкт-Петербург): Нужен ли России мегарегулятор финансового рынка? Как Вы относитесь к этой идее?

Е. Гайдар: Не знаю ответа на этот вопрос. У меня в институте есть внутренняя дискуссия по этому поводу. Есть аргументы "за", есть аргументы "против". Аргументы "за" абсолютно очевидны. Финансовый рынок объективно интегрирован сегодня, делить его по секторам на ЦБ и ФКЦБ - это создавать определенные трения на порогах между этими рынками, это все равно нереалистично. Аргументация "против". Любая крупномасштабная реорганизация в принципе создает проблемы, потому что требуются новые решения, новые кадры, новые помещения, новые кабинеты и так далее. И надо затеваться с ней только тогда, когда есть глубочайшее убеждение, что она принесет очевидную пользу.

В. Попов (Санкт-Петербург): Егор Тимурович, что Вы думаете о возможности следующего дефолта? И аналогичный вопрос от г-жи Лаптевой из Москвы: Возможен ли сейчас очередной дефолт или инфляционный кризис, как это было в 1998г. и 1992г. соответственно? Надежно ли сейчас вкладывать деньги в банки?

Е. Гайдар: В целом макроэкономическая ситуация в стране очень устойчивая, она радикально иная, чем была, скажем, в 97-98гг. Том, который мы представляли, посвящен как восстановительному росту, так и собственно кризису финансовому 97-98гг., и сегодня абсолютно очевидны механизмы развертывания этого кризиса. В его основе было сочетание на протяжении 95-98гг. относительно жесткой денежной политики, направленной на торможение инфляции, и сохраняющейся крайне мягкой бюджетной политики, то есть крупных бюджетных дефицитов, которые финансировались короткими заимствованиями. Сейчас у нас нет коротких заимствований в значительных масштабах, у

нас нет бюджетных дефицитов, у нас профицитный бюджет, в этой связи базы для развертывания такого кризиса, как в 97-98гг., сейчас просто не существует. Только здесь не надо иллюзий. Да, сейчас ее нет, но надо помнить, с какой скоростью безответственной экономической политикой можно развалить собственные финансы и собственную денежную систему и в этой связи обесценить вклады. Скажем, Сальвадор Альенде пришел, имея тоже большие валютные резервы и вполне комфортную макроэкономическую ситуацию. В общем, потребовалось всего два года, чтобы развалить это все дотла, что и проложило дорогу к перевороту. В этой связи в ближайшее время, если правительство и Центральный банк будут продолжать проводить ответственную денежную политику, нет никаких макроэкономических угроз. Но не надо переоценивать запас прочности, который создан большими валютными резервами, стоит начать реализовывать некие авантюрные меры, которые начинают сейчас активно обсуждаться, скажем, взять и использовать валютные резервы для стимулирования промышленного роста, вот и все. За три года тут можно раскурочить все.

Л. Бурашникова (Солнечногорск): Как Вы относитесь к созданию стабилизационного фонда: это действительно будет служить страховкой от колебаний нефтяных цен или будет отвлекать свободные средства из экономики России? В Эмиратах каждый житель получает от добычи нефти неплохие деньги. Как Вы считаете, можем ли мы, жители России, получать аналогичные отчисления, но только не через бюджет, а напрямую, на именные лицевые счета каждого россиянина?

Е. Гайдар: Первое - идея стабилизационного фонда, на мой взгляд, крайне полезна. Должен честно признаться, что первый вариант закона о стабилизационном фонде был подготовлен у нас в институте, мы публиковали его, он очень известен специалистам, хотя потом мы, естественно, вели длинные дискуссии с коллегами-депутатами и в правительстве. В том виде, в каком он сейчас принят, на мой взгляд, это приличный закон, абсолютно правильный для России с ее макроэкономическими рисками, связанными с колебаниями цен на нефть. Надо понимать, что стабилизационный фонд - это, естественно, не панацея. Когда мы работали над стабилизационным фондом, у нас с МВФ были длинные дискуссии по этому поводу. В МВФ, скажем, есть две позиции: часть персонала считает, что это прекрасное решение, а часть резонно говорит, что, если вы можете проводить ответственную макроэкономическую политику, тогда зачем вам фонд? Есть в мире примеры эффективно работающих стабилизационных фондов, скажем в Норвегии, типичный пример. Есть примеры ужасно работавших стабилизационных

фондов, когда деньги были просто разворованы. Вот как раз когда речь заходит о том, что "давайте деньги стабилизационного фонда вложим в реальный сектор", вот тогда там начинается такое воровство, что лучше бы не создавали. Но я, честно говоря, очень надеюсь, что в наших условиях мы сумеем использовать лучшие норвежские образцы, а не худшие, скажем, нигерийские. Можно ли использовать доходы от добычи углеводородов непосредственно на прямые счета граждан? В принципе, да, такая система возможна, она имеет право на существование. Но только надо понять, что мы все-таки не Эмираты и что соотношение добываемой нефти и численности населения - это очень небольшие деньги, и вряд ли они кого-то всерьез утешат. В этом плане, наша стратегическая идея была немного другая, мы ее обсуждали с правительством и будем пытаться проводить. Мы собираем налог на добычу полезных ископаемых. Мы сами его ввели в 2001г. Он собирается очень хорошо, и в этом году даст примерно 11 млрд долл. Но если разделить это на население страны, то вы увидите, что деньги не те, которые решают социальные проблемы. Но вот использовать часть налога на добычу полезных ископаемых как базу подушевого финансирования местных бюджетов (у нас проблема важная - это то, что местные бюджеты не имеют достаточной доходной базы для реализации своих задач и полномочий, и так устроена налоговая система, что их довольно трудно мобилизовать для них, не создавая очень серьезных проблем в налоговой области), а вот переход к подушевому финансированию из доходов от добычи полезных ископаемых, мне кажется, что такое развитие финансовой системы было бы разумным и объединяло бы задачи налоговой политики и задачи построения эффективно работающей системы фискального федерализма.

К. Терехов (Владимир): Дайте, пожалуйста, прогноз курса доллара на ближайшую перспективу? М.Зайцев (Москва): Вполне вероятно, что американский доллар из-за своей слабости и необеспеченности в недалеком будущем потеряет статус мировой резервной валюты. В результате актуальным станет возврат к золотому стандарту. Стоит ли России возглавить эту дискуссию? Что Вы думаете насчет введения золотого наполнения российского рубля?

Е. Гайдар: К сожалению, золотой стандарт несовместим с реалиями современной экономики. История величия и падения золотого стандарта - это одна из самых захватывающих историй последних трех веков экономической истории человечества. Золотовалютный стандарт в том виде, в каком он возник в Великобритании с XVII века, без всякого сомнения, был важнейшим фактором, который обеспечил ей мировое доминирование и сам запуск механизма современного экономического роста. А вот тот

глубокий кризис мировой экономики между 1914 и 1950гг. - это не только две мировые войны, но и глубокий кризис мирового стандарта. И попытки Англии и США удержаться в рамках золотого стандарта во многом придали глубину кризису 1929-1930гг. Я, наверное, здесь не могу объяснять механизмы, почему на одних этапах золотой стандарт возможен и прекрасен, а на других он порождает тяжелые потрясения и кризисы. Для тех, кто понимает, он связан с дефляционными проблемами, которые практически неотъемлемая составная часть попыток использования золотого стандарта в условиях современного экономического роста. Короче говоря, это не выход. Второе, как будет развиваться динамика курса. Всякий экономист, который скажет вам, каким будет курс евро к доллару через год, два и три, на мой взгляд, является проходимцем. На этот вопрос не существует ответа. Какой ответ существует, который не противоречит нашим знаниям, опыту, здравому смыслу? Если вы меня спросите, каким будет среднее соотношение курса евро и доллара на протяжении следующих 10 лет, то я вам с высокой степенью вероятности отвечу, что оно будет близко в паритету покупательной способности. Попросту говоря, это примерно 1,10 долл. за евро. Но вот как оно будет колебаться в течение этих 10 лет, какие будут перелеты, когда за евро будут давать 80 центов, а когда 1,30 долл., сказать это с мало-мальской степенью надежности, просто невозможно именно потому, что мы живем сравнительно недолго, только последнее десятилетие, в системе бумажных валют, не обеспеченных золотом, при плавающих курсах и при открытом рынке капитала. Это те реалии, которые возникли 30 лет назад. Мы только знаем, что эти рынки достаточно нестабильны, и, проводя денежную политику, надо быть готовым к этой нестабильности. Надо выстраивать свои институты, исходя из гипотезы, что ты никогда не знаешь, каким будет курс евро по отношению к доллару через два, три, четыре года. Очень серьезная дополнительная ошибка, которая привела к кризису 1997-1998гг., состояла в том, что российские власти поставили себя в положение, когда у них были утрачены механизмы гибкости, связанные с курсовой политикой, когда нельзя было тронуть курс, одновременно не спровоцировав кризис внутренних заимствований и банковский кризис. Вот сейчас, к счастью, у нас политика, которая позволяет обеспечивать гибкость внутреннего валютного курса, что является еще одним элементом устойчивости внутренней финансовой системы.

К. Кузьмин (Ставрополь): Егор Тимурович, скажите, почему СПС в предвыборной кампании не делает акцента на том, что Вы, а не А.Кудрин, являетесь фактическим разработчиком основных финансовых документов страны?

Е. Гайдар: Я бы не стал. Во-первых, Алексей Леонидович - мой друг, во-вторых, он весьма компетентный министр финансов, и в-третьих, без него мы мало что могли бы сделать.

А. Егоров (Германия): Почему партийный номенклатурщик Борис Ельцин понимал и правильно оценивал Ваш потенциал для экономики России и постсоветского пространства, а Владимир Путин делает ставку на Германа Грефа и Андрея Илларионова, которые как экономисты-рыночники намного слабее Вас? Или я ошибаюсь, и Вы консультируете правительство тайно?

Е. Гайдар: Во-первых, я не хотел бы комментировать профессиональные качества моих коллег, которых я знаю много лет. Кто из нас умнее, кто не умнее, это история рассудит.

А. Полуботов ("Российская газета"): Егор Тимурович, почему, на Ваш взгляд, не состоялся народный капитализм России и возможен ли он в будущем?

Е. Гайдар: Во-первых, я не очень знаю, что такое "народный капитализм", если сказать честно, где он построен и какую страну можно продемонстрировать в качестве образца народного капитализма. Я знаю страны с разными моделями рыночной экономики, с разными уровнями бюджетной нагрузки, с разными уровнями концентрации собственности. Что такое "народный капитализм", просто честно - не знаю. Что можно сказать, чего действительно не получилось в России и чего хотелось бы добиться? В России очень велика дифференциация доходов, она примерно такая, как, скажем, в США, меньше, чем в Бразилии, но заметно больше, чем в Восточной Европе, заметно больше, чем в Европе, и вообще заметно больше, чем хотелось бы. И это, конечно, серьезный элемент таких социальных рисков и социально-политической нестабильности. Первое и главное, что можно здесь сделать, это обеспечивать собственный экономический рост, который позволяет снижать уровень бедности и при нынешнем уровне дифференциации доходов. Но вообще хотелось бы провести те реформы в социальной сфере и системе социальной поддержки, которые обеспечили бы снижение уровня социальной дифференциации. Все исследования систем социальной поддержки в России показывают, что социальная политика приводит к росту дифференциации доходов, а не к снижению, и что у нас большая часть средств, попадающих по каналам социальной поддержки, идет среднеобеспеченным и богатым семьям, а не низкообеспеченным. Что нужно делать, чтобы изменить эту ситуацию, это хорошо и давно известно, и ничего нового там нет. Это

переход от категориальных льгот к льготам трагетированным и связанным с нуждаемостью. Проводить это мы можем годами. Больше всех против, знаете кто? Коммунисты.

М. Соколов (Радио "Свобода"): Как Вы оцениваете ситуацию с военной реформой? Вы уже потерпели поражение в аппаратном смысле и не следует ли в этом смысле перейти на более последовательную позицию Арбатова, "Яблока", что армия нужна полностью профессиональная?

Е. Гайдар: Вы знаете, если бы это чему-нибудь помогло, то пожалуйста. Но это, к сожалению, ничему не поможет. В этой связи мы чего-то добились. Мы добились того, что вопрос был поставлен в серьезной плоскости. Мы перестали заниматься ерундой и начали обсуждать вопрос о сроках, деньгах и так далее. И сейчас продолжается работа, в том числе работа, связанная с обеспечением жильем военнослужащих, реформой военного образования, военного здравоохранения. У нас, конечно, сохраняются серьезные разногласия с Минобороны, мы абсолютно не собираемся складывать руки. Это первое. Второе. Здесь надо очень хорошо понимать, что в силу демографических факторов ничего не делать не получится. С 2006-2007гг. произойдет обвал существующей системы комплектования. В этой связи она либо будет реформирована, либо разрушится. Будут реальны только две возможности. Они уже сейчас политически, хотя и не очень публично на повестке дня: либо вы отменяете все отсрочки, что будут предлагать, обязательно будут предлагать, для студентов, аспирантов, имеющих детей и так далее, либо вы действительно быстро и энергично переходите на систему комплектования на контрактной основе. И все равно уйти от этого вопроса в 2005-2007гг. никак не удастся.

Андрей (Королев): Егор Тимурович, почему Вы так мало участвуете в политической жизни? На самом деле, было время, когда Вас было и не слышно, и не видно некоторый период. И еще один вопрос, **Е.Глазовой (Санкт-Петербург):** Уважаемый Егор Тимурович! Почему Вы так мало появляетесь в общедоступных СМИ (радио, ТВ)? Ваше мнение по экономическим вопросам необходимо знать всем! Правда, очень положительных о Вас откликов много, как и отрицательных, они есть, но мы на них не будем заикливаться. Итак, почему Вы так непубличны, почему ушли из большой политики? И некоторые призывают Вас призывают вернуться в большую политику.

Е. Гайдар: Во-первых, я в последние годы довольно активно занимался тем, что практически проводил реформы, выработывал предложения, связанные с налоговой системой, фискальным федерализмом, правами собственности, вместе со своим институтом. И надо сказать честно, что многое из того, что сделано, было сделано по крайней мере с нашим участием, при наших разработках. Подобного рода вещи не терпят слишком большой публичности. Допустим, я сейчас могу вам рассказать, кто написал главу о плоском подоходном налоге, когда и где она была придумана, как мы ее обсуждали в Министерстве финансов, в правительстве, в Министерстве экономики, когда она обсуждалась выше. Если бы я в 2000г. весной на всех площадях кричал, что это мы придумали идею плоского подоходного налога, это мы все предложили, почему-то мне кажется, что шансов провести эту реформу было бы меньше. Так что, не всегда реформы хороши с публичностью. Должен сказать, что проблемы с некоторыми реформами, которые мы предлагали, но не могли провести, были связаны с тем, что они становились слишком публично известными, как реформы, предложенные СПС. Я понимаю, что здесь есть объективное противоречие, политическая партия должна открыто заявлять свою позицию, предлагать свою программу, убеждать в ней избирателя. Очень часто, чтобы практически проводить реформы, этого лучше не делать. Это предмет наших длинных дискуссий с моими коллегами по партии, выстраивание приоритетов, и где-то мы вынуждены были идти на компромисс, наоборот, делая что-то крайне непубличным, а иногда что-то делая весьма публичным. Это был важнейший фактор, по которому действительно я пытался быть не очень публичным, пока была возможность проводить реформы и, я надеюсь, снова еще будет. Это первое. Второе, скажу честно, я не люблю публичную политику, я был мобилизован в публичную политику на фоне революционных изменений 91-93гг. и никогда не считался прирожденным публичным политиком. Есть люди, которые, на мой взгляд, в том числе из моих единомышленников, которые этим занимаются лучше, чем я. Поэтому, как только возникло ощущение некой стабилизации, я счел для себя возможным сократить свое участие в публичной политике. Должен сказать честно, что сейчас, на фоне событий последнего времени, ситуация вновь кажется мне тревожной. То есть, если мне казалось, что какая-то часть не являющихся прирожденными политиками приличных людей может позволить себе политическую пассивность, я бы так ответил на этот вопрос два года назад. Сегодня я должен сказать, что ситуация радикально изменилась, и сегодня позволить себе политическую пассивность, надеяться, что все само собой образуется, на мой взгляд, крайне опасно.

Русская служба Би-би-си: К вопросу о природной ренте. Как Вы относитесь и как оцениваете успех блока "Родина" на фоне эксплуатации этой темы, темы природной ренты? И как Вы относитесь к возвращению в политические лозунги идеи "все отнять и разделить"?

Е. Гайдар: Первое - природная рента. Я вообще, надо сказать, с восхищением смотрю на лидеров блока "Родина", с точки зрения того, как можно энергично за три месяца до выборов проэксплуатировать тему природной ренты. Могу сказать, что мне это нравится с моральной точки зрения, потому что желательно было бы тогда хоть что-то сделать в предшествующий период, чтобы улучшить ситуацию с освоением природной ренты. Мы, например, в 1997-1998гг. два раза готовили, правительство вносило в Госдуму законодательство о введении соответствующих глав в Налоговое законодательство, связанных с реформой системы взимания природной ренты. И Дума, в которой коммунисты имели большинство, ни разу эти законы не поддержала. Мы в 2001г. разработали главу Налогового кодекса, посвященную реформе системы взимания природной ренты. И после длинных дискуссий с правительством и в Думе провели ее. По введенному этой главой налогу - налогу на добычу полезных ископаемых - мы сегодня взимаем 11 млрд долл. Имели обыкновение, на основе ранее существовавших трех налогов, которые этот налог заменил, взимать от 2,5 до 4 млрд долл. Провели подобные исследования возможности дальнейшего повышения НДС, которое не привело бы к кризису нефтедобычи, на основе анализа огромного массива информации. Пришли к выводу о том, что можно повысить, не разрушая нефтедобычу и не прекращая рост нефтедобычи, НДС еще примерно на 3-4 млрд долл. Проинформировали об этом правительство, проинформировали об этом Кремль. Но нужно говорить о серьезной проблеме изъятия НДС так, чтобы при этом не происходил крах отечественной экономики. Ну, нужно, конечно, заниматься предвыборной демагогией.

"Вечерняя газета": Скажите, пожалуйста, существует ли в стране средний класс или вернее говорить о каком-то среднем слое нашего населения? И предложите, пожалуйста, алгоритм оценки этого класса.

Е. Гайдар: Во-первых, это всегда, конечно, вопрос дефиниций, как мы определяем, и в мире не существует четко определенного критерия среднего класса. Тем не менее, самые лучшие исследования, на мой взгляд, выполненные в России, посвященные среднему классу, имеют такой алгоритм решения этой проблемы. Первое - людей спрашивают, относят они себя к среднему классу или нет, потому что все-таки это вопрос

самооценки в очень большой степени, потом тех, кто относит себя к среднему классу, анализируют с точки зрения того, каковы их характерные черты: уровень образования, уровень доходов, уровень имущественной обеспеченности. Это исследование позволяет выявить ядро среднего класса, то есть это те, кто считает себя средним классом, живут, как большинство тех, кто считает себя средним классом, имеет тот уровень имущественной обеспеченности, который имеют те, кто считает себя средним классом, имеют тот уровень образования, какой имеют те, кто считает себя средним классом, и те, которые обладают лишь набором из этих характеристик. Очень грубо говоря, ядро среднего класса - это 20% населения, оно постепенно увеличивается, а вот другие пересекающиеся группы - это всегда конкретный вопрос. В целом то, что на протяжении 1999-2003гг. по любому из разумных определений у нас происходит рост размеров среднего класса, достаточно очевидно.

П. Подкорытов (Екатеринбург): Егор Тимурович! Как Вы оцениваете ситуацию, связанную с привлечением к уголовной ответственности топ-менеджеров ЮКОСа? А с выдавливанием Леонида Невзлина с поста ректора РГГУ? Может быть, кто-то специально проиграл такой сценарий - ЮКОС-"Сибнефть", чтобы потом из этого ничего не получилось?

Е. Гайдар: К ситуации, которая сложилась вокруг руководства ЮКОСА, я отношусь с большой тревогой, считаю ее опасной для перспектив развития России. Я не хочу подменять собой суд, решать, кто виноват, кто не виноват, хотя многое из того, что делалось, с юридической точки зрения, мне представляется более чем сомнительным. Скажем, вызовы адвокатов на допрос по содержанию дела, вызов человека в качестве свидетеля, а потом предъявление ему обвинения. Это нарушение даже не буквы, а духа права. Но я в первую очередь специалист по отечественной экономике и могу сказать, что подобного рода вещи подрывают представление о том, что частная собственность гарантирована. Мне как человеку, который работал в парламенте много лет и знает, как решались проблемы, как находились компромиссы между правительством и разными лобби, и какие вопросы были самыми острыми, и как шли дебаты, скажем, вокруг законодательства по поправкам в Налоговый кодекс в этом году, не надо рассказывать, что это случайно, что это просто правоприменительная практика. И второе. Надо, конечно, понимать, что подобного рода вещи - это сигнал, который дается по всей стране, и правоохранительные органы, начальство, бюрократия - они ведь реагируют не на то, скажем, что сказал президент, а на то, что делается. И вот последствия такого сигнала, на мой взгляд, достаточно очевидны и опасны. И третье, я считаю, что одним из важнейших

результатов, почти неизбежным, того, что происходило в последние месяцы, было то, что идея отнять все и поделить вновь оказалась политически на повестке дня, а эта идея такая опасная, это как джинн из бутылки или ящик Пандоры, который очень легко открыть. У нас вся российская история последнего века крутилась вокруг последствий того, как решили отнять и поделить в 17-м году, а потом в 29-м, мы расхлебывали это десятилетиями. Начать снова отнимать и делить очень опасно. Да, я прекрасно понимаю, что нет постсоциалистических стран, где население, общество были бы довольны проведенной приватизацией, их не существует, потому что это задача, не имеющая решения. Легитимация частной собственности - это стоящая за ней длинная традиция, стоящие за ней поколения, века. Если у вас возводился социализм, откуда вы возьмете века, традиции? Так делите, сяк делите - все равно все будут недовольны. Вы спросите венгров, я обсуждал эту тему, когда мы были в Багдаде, с моим старым знакомым, другом, бывшим председателем Центробанка Венгрии Питером Ботом. Он, например, считает, что венгерская приватизация была проведена ужасно, тут комплекс своих аргументов. А почему? Да потому что все равно за ней не стоит длинная традиция легитимной частной собственности. Так что единственное, что здесь можно сделать, - это создать инструменты, при которых правила игры более-менее равны, работает нормальная налоговая система, защищена собственность, идет экономический рост, бизнес не сращен с властью, и тогда постепенно эта легитимация вырастает, она образуется. То, что происходило у нас в последние годы, мне казалось движением именно в этом направлении, именно поэтому произошедшее так опасно.

Заключительное слово ведущего.

Мы благодарим всех участников пресс-конференции. Напоминаем, что сегодня в гостях у РИА "РосБизнесКонсалтинг" был сопредседатель движения "Союз правых сил" Егор Гайдар. Тема нашей пресс-конференции была "Россия: 12 лет экономических реформ, перспективы развития страны". Спасибо большое.